

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ КАРЬЕРА В.И. ЛАМАНСКОГО

© 2018 г. А.В. Малинов^{1*}, В.А. Куприянов^{2**}

¹Д-р философ. наук, профессор СПбГУ, ассоциированный
научный сотрудник СИ РАН

²Канд. философ. наук, научный сотрудник
Центра социолого-наукоедческих исследований Санкт-Петербургского
филиала института истории естествознания и техники РАН

*E-mail: a.v.malinov@gmail.com

**E-mail: nonignarus-artis@mail.ru

Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 18-311-00072).

В статье рассматривается преподавательская и научная деятельность Владимира Ивановича Ламанского в Санкт-Петербургском университете с 1865 по 1871 г. Показана ориентация Ламанского в преподавании славяноведческих дисциплин на учение славянофилов. Приводится список курсов, которые Ламанский читал в Санкт-Петербургском университете с 1867 по 1899 г. На основе писем ученого раскрываются некоторые особенности его работы над докторской диссертацией, которая была защищена в 1871 г.

The article treats the pedagogical and scholarly activities of Vladimir Ivanovich Lamansky at the St.-Petersburg University from 1865 to 1871. It shows his orientation on the Slavophiles in teaching Slavic studies. The list of lectures is adduced, which Lamansky held at the St.-Petersburg University from 1867 to 1899. Basing on the scholar's correspondence, the author demonstrates some specific features of Lamansky's work on his doctoral thesis, which was defended in 1871.

Ключевые слова: В.И. Ламанский, Санкт-Петербургский университет, славяноведение, славянофильство, историография, философия истории.

Keywords: Vladimir Lamansky, St.-Petersburg University, Slavic studies, Slavophilism, historiography, philosophy of history.

DOI: 10.31857/S0869544X0001768-7

Крупнейший отечественный славист XIX в. Владимир Иванович Ламанский (1833–1914) был связан с Санкт-Петербургским университетом более полувека. Его пребывание в университете можно разделить на два этапа: студенческие годы (1850–1854) [1. С. 156–166] и преподавание, растянувшееся на несколько десятилетий, начиная с 1865 г. Однако и после ухода из университета в 1899 г. он не порывал с ним связи. Уже на первом курсе

Ламанский увлекся лекциями И.И. Срезневского, выбрав в качестве научной специализации славистику. В эти же годы он познакомился с учением славянофилов, став со временем одним из виднейших представителей так называемого академического славянофильства. Славистика и славянофильство определили всю дальнейшую судьбу Ламанского. В университет он вернулся после десятилетнего перерыва. Экзамены в университете, не оправдавшие ожидания Ламанского, и серебряная медаль за кандидатское сочинение, вместо золотой, побудили его искать службы вне университета. Его надежда отправиться после окончания университета в путешествие по России и славянским землям не осуществилась. Он желал найти необременительную службу, которая бы не препятствовала научным занятиям. В результате с 20 января по 29 октября 1855 г. Ламанский служил без содержания в Санкт-Петербургском губернском правлении, а 29 ноября 1855 г. был принят в Публичную библиотеку канцелярским чиновником так же без жалования, что давало минимальный чин и возможность получения следующих чинов по выслуге лет. В неоконченном и недатированном черновике письма к И.В. Ягичу, скорее всего написанном Ламанским в последние годы жизни, он вспоминал, что «еще гимназистом часто мечтал о своем будущем и о будущем России, русской литературы и науки, и тогда уже решил, что чиновником не буду ни в коем случае. Отец мой хотел непременно, чтоб я записался в какое-нибудь ведомство. Я записался в Казенную палату, где никогда не бывал. Отец кажется через год приехав домой из Сената сказал мне, что его товарищ (фамилии не помню) по Сенату обещал поговорить обо мне барону Корфу, директору Публ[ичной] библиотеки. Я прослужил там слишком год или два года. Здесь было мне очень приятно и полезно познакомиться с Бычковым и особенно дорогим и любезным в последствии другом Влад[имиром] Стасовым» [2. Ед.хр. 78. Л. 9]. В библиотеке он работал под руководством старшего библиотекаря В.И. Соболевского в отделении «Россика». Это дало Ламанскому возможность продолжить свои научные занятия. Он признавался, что они «посвящены были мелочному, но необходимому разбору древнейших Славянских рукописей, хранящихся в Публичной библиотеке и Румянцевском музее» [3. С. 136]. «Служебные мои занятия в Публичной библиотеке, по отделению иностранных писателей о России, — продолжал он, — дали мне средства ближе ознакомиться с воззрениями западных Европейцев на Россию, ее прошедшее, настоящее и будущее» [3. С. 139]. Однако менее чем через два года, 26 октября 1857 г., из-за конфликта с директором библиотеки бароном М.А. Корфом, он «по болезни» вышел в отставку. Н.В. Ястребцов со слов самого Ламанского следующим образом передавал сюжет этого инцидента: «В.И. Ламанский покинул библиотечную службу после весьма характерного столкновения с директором библиотеки, бар. М.А. Корфом. Немецкий, специально остзейский характер бар. Корфа, манера его обращения с людьми возмущали молодого В.И., всю жизнь боровшегося с отрицательными чертами немецкого народа — и в науке, и в международной политике, и во внутренней жизни России. Холодно-вежливый, отзывавшийся брезгливостью тон, которым бар. Корф говорил со своими чиновниками, в частности — обращение к ним со словами: “Любезный N.N.” Вызвали В.И. Ламанского в одну из суббот, когда бар. Корф обычно давал план занятий собиравшимся вместе его подчиненным, на следующее замечание: “Барон Модест Андреевич, может быть “mein lieber” и хорошо звучит по-немецки, но по-русски “любезный” если

и говорят, то только лакеям [...]». Немедленно оставив комнату со смущенным бар. Корфом и рассеянными товарищами по службе и возвратившись домой, В.И. Ламанский послал бар. Корфу прошение об отставке, которую, конечно, быстро и получил» [4. С. 49].

Следующим местом службы Ламанского стал Государственный архив Министерства иностранных дел, в котором с 1858 по 1862 г. он занимал должность старшего архивариуса. Ламанский вспоминал, что почти ежедневно виделся в архиве с С.М. Соловьевым, собиравшим материалы для своей «Истории России с древнейших времен». Сохранилось одно письмо московского историка, в котором он благодарил Ламанского за присланные книги.

В 1858 г. Ламанский сдал экзамены на степень магистра, а уже в следующем году опубликовал большое исследование «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании», которое вместе с «Историческими замечаниями к сочинению “О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании”» составило объемный том в шестьсот страниц [5–6]. Книга Ламанского была удостоена Академией наук половинной Демидовской премии, а 31 января 1860 г. в Санкт-Петербургском университете успешно защищена в качестве магистерской диссертации [7. С. 36–46], что не только повышало самооценку молодого исследователя, но и открывало перед ним возможности ученой карьеры. В апреле 1862 г. Ламанский был причислен к Министерству народного просвещения. Новый министр А.В. Головнин, судя по сохранившейся переписке симпатизировавший Ламанскому, способствовал осуществлению его давней мечты — командировке с ученой целью в славянские земли. Самая длительная заграничная командировка Ламанского продолжалась без малого два с половиной года: из Петербурга он выехал 5 мая 1862 г. и вернулся 1 ноября 1864 г. Эта поездка стала одним из важнейших событий в научной биографии Ламанского. До этого времени его занятия «славянщиной» носили книжный и умозрительный характер в духе романтического народолюбия и славянофильства. Ламанский посетил славянские земли Австро-Венгрии, нижней и верхней Австрии, побывал в Италии, Греции, Сербии, несколько месяцев прожил в Константинополе, где близко сошелся с К.Н. Леонтьевым. Он не только изучил славянские языки и заложил основы своей богатой библиотеки, но и приобрел обширные знакомства среди славянских ученых, со многими из которых поддерживал отношения на протяжении нескольких десятилетий. Ламанский получил известность среди славянской интеллигенции, а его последующая научная и, может быть, даже в большей степени публицистическая деятельность только ее укрепила [8].

Собранные в результате командировки материалы и новые знания Ламанский решил использовать при написании докторской диссертации. Вернувшись в Петербург, он признавался И.С. Аксакову в письме 9 декабря 1864 г.: «Теперь занимаюсь докторскою диссертациею. Темою выбрал законник Стефана Душана. Быть может мне придется ехать в Одессу» [2. Ед.хр. 1. Л. 64об.]. Упоминание Одессы не связано с необходимостью занятий в библиотеке или архиве. Служба по Министерству народного просвещения давала возможность перейти в университет, чтобы продолжить научную деятельность, без которой Ламанский уже не мыслил суще-

ствование. Императорский Новороссийский университет в Одессе был образован на основе Решельевского лицея в мае 1865 г. И.И. Срезневский рекомендовал министерству (вероятно, еще в 1863 г.) своего ученика в качестве кандидата на занятие должности профессора [9. С. 114]. 11 января 1865 г. Ламанский писал И.С. Аксакову: «В Одессу мне предлагают на условиях невыгодных, да и жаль покидать матушку. Здешний же университет мне чуть прямо не говорит, что иметь меня не желает, предлагает мне быть в нем приват-доцентом, т.е. простым преподавателем без голоса и без жалованья. Словом, мне предлагают то, от чего я отказался еще пять лет тому назад.

Я не могу выйти из Министерства просвещения, а то бы плюнул на университет и искал бы места в миссии, где-нибудь в Турции. И почто много у нас так людей по ученой части!

Кажется я кончу тем, что поступлю, ибо обязан служить, в одно из уездных училищ.

Вы посмеетесь надо мной, Иван Сергеевич, над моим самолюбием. Может и я посмеюсь, да после, а теперь мне живется скверно и гадко» [2. Ед.хр. 1. Л. 64–65об.]. Ламанский, действительно, вошел в состав профессуры Новороссийского университета, но лишь 17 марта 1883 г. как почетный член. В том же году он был избран почетным членом Университета св. Владимира в Киеве [10. Л. 59].

26 апреля 1865 г. Ламанский был принят на кафедру славянской филологии Санкт-Петербургского университета в должности приват-доцента. В письме И.С. Аксакову 3 сентября 1865 г. он предварял содержание своей вступительной лекции: «Теперь весь занят лекциями. Начинаю во вторник, скажу вступительное слово, между прочим о Хомякове, Киреевском, Вашем брате» [2. Ед.хр. 1. Л. 69]. Вступительное чтение Ламанского было опубликовано в Москве в аксаковской газете «День» (1865. № 50–52), в венском журнале «Золотая грамота» (1865. № 23; 1866. № 25), а также вышло отдельной брошюрой [11]. Вступительное чтение, в котором, по существовавшей традиции, преподаватель излагал свое видение предмета, имело публичный характер. Ламанский прямо заявил о своих славянофильских взглядах и связал успехи отечественной славистики с деятельностью славянофильского кружка или, как он писал, «Московской школы». Курсы Ламанского носили строго «аналитический» характер, т.е. касались истории и литературы славянских народов. Однако первая лекция, по его признанию, была посвящена «синтетическому подходу» или «философско-историческим воззрениям». В духе историософии А.С. Хомякова он признавал основополагающее значение веры для истории и культуры народов. По его словам, «все когда-либо известные цивилизации всегда были и будут находится в теснейшей связи с системами народных верований, всегда бывают ими проникнуты и одушевлены. Вера человека — это он сам; вера народа — сам народ» [11. С. 3]. В первой лекции Ламанский давал свое видение русского западничества (или униатства, как он выражался) и европейской цивилизации, славянофильства и русского народа, отношения немцев к славянам, истоках панславизма и геополитической роли русского языка.

В последующие годы Ламанский также иногда позволял себе в начале лекционного курса обозначить те философско-исторические позиции, с точки

зрения которых он подходил к рассмотрению конкретного содержания своего предмета. В основном Ламанский читал лекции и вел занятия по истории славянских народов, редко обращаясь к собственно славянской филологии. Приглашенный по инициативе Ламанского на кафедру славянской филологии И.В. Ягич писал из Петербурга 16 ноября 1880 г. И.А. Бодуэну дэ Куртенэ, что «наши студенты знают по филологии немного: под влиянием Ламанского они занимались до сих пор почти одной только историей» [12. С. 203]. За долгие годы преподавания в Санкт-Петербургском университете он читал многочисленные курсы по славянским языкам, истории и литературе: «Польская грамматика и чтение образцов старопольского языка» (1867–1868), «Историко-этнографический обзор славянских наречий и народностей вне России» (1867–1898), «История славян» (1870–1898), «История славянских литератур» (1871–1891), «История польской литературы» (1873–1884), «Критический обзор источников древнеславянской истории» (1877–1887), «История Чехии и Польши в XV и XVI в.» (1881–1899), «История новейшей польской литературы (Мицкевич, Словацкий, гр. С. Красинский)» (1884–1885), «История чехов со времен Ренессанса в период Реакции (Gegenreformstion) до Белогорской битвы и новейшего Возрождения включительно. Чехи при Фердинанде II и Петре Великом» (1884–1885), «Чтение отрывков старочешской литературы» (1885–1886), «Пособия для истории Чехии (историограф Чехии Ф. Палацкий и исторические труды Шайнохи, Бобржинского и Прохазки)» (1885–1886), «Чтение отрывков старочешской литературы (Ф. Щитный, Я. Гус, Хельчицкий, Вшегорд Благослав и А. Коменский)» (1885–1886), «Обозрение источников Гуситской эпохи» (1885–1886), «История Чехии и Польши в XV в.» (1885–1886), «Обзор источников истории Гуситской эпохи» (1885–1886), «Возрождение славянских народностей с половины XIX в.» (1886–1887), «Критический обзор источников древнеславянской истории: византийцы, арабы и романо-германцы (историки, летописцы и географы). Славянские источники» (1886–1887), «История западных (южных и северных) славян с VI в. до конца XII или начала XIII в.» (1886–1887), «История славянских народов в XV–XVII вв.» (1886–1887), «Чтения образцов славянских наречий с историко-грамматическим и историко-литературными введениями перед каждым наречием и толкованиями при чтении перевода отрывков из памятников Древнего, Среднего и Нового периодов» (1886–1887), «Общий обзор славянских народностей и наречий с чтением и толкованием памятников западнославянских наречий, преимущественно сербохорватского, чешского и польского» (1887), «История юго-западных и северо-западных славянских земель и народов с VI до XIV века» (1887), «История юго-западных и северо-западных славян до половины XV века» (1888), «Историческое развитие Далмации, Хорватии, Чехии и Польши в XVI веке и первой половине XVII века под влиянием Возрождения, Гуситства и Реформации» (1888), «Введение в славяноведение» (1889–1899), «Западные славяне и их земли» (1889), «История славянских народов» (1889), «История юго-западных славян» (1890), «Славянские древности» (1891–1892, 1899), «История западнославянских народов (южных и северных) с XV века до новейшего времени с большим обращением внимания на западнославянские литературы» (1893–1894), «История славянских народов в Средние века до второй половины

XV века» (1893—1894), «Историко-этнографический обзор юго-западных славянских народностей, как введение в славяноведение, с указанием важнейших пособий по истории, этнографии и диалектологии славянской, с разъяснением важности для славистики знакомства с главнейшими трудами по литововедению, германоведению и романоведению» (1894—1895), «История славянских народностей со второй половины XV века» (1894—1895), «Историко-этнографический обзор юго-западных и северо-западных славянских народов» (1894—1896), «Практические занятия: перевод отрывков Адама Бременского, Титмара, Фомы Сплетского, далматинских и венецианских грамот» (1896—1897), «Историко-этнографический очерк юго-западных славянских народностей (болгар, сербов, хорватов и словенцев), с критическим обзором важнейших трудов русских и иностранных по древностям, политической и культурной истории этих народов, об их языках, наречиях и говорах, об этнологическом составе этих народностей, их народной поэзии и быте и, наконец, об историческом развитии их письменности и словесности» (1896—1897), «История славянских народов до XIV в. Практические занятия для желающих: перевод, разбор и толкование известных отрывков Адама Бременского и Титмара, Фомы, архидиакона Сплетского, далматинских и венецианских грамот (касательно Далмации из сборников Рачкого и Любича)» (1896—1897), «История западных славян в новое время» (1897—1898), «Обзор славянских народностей» (1897—1898), «Чтение и разбор некоторых сочинений Гуса и П. Хельчицкого и некоторых документов относительно гуситов» (1898—1899), «Северо-западные славяне. Статистическо-этнографические очерки. Характеристика наречий и чтение образцов» (1898—1899), «История чехов в Гуситский период (с конца XIV в. до смерти Ю. Подебрада)» (1898—1899), «Важнейшие эпохи истории славянских народов в Средние века» (1898—1899), «Практические занятия: разбор некоторых свидетельств и документов по сборнику Рачкого» (1899), «Сербскохорватская литература в Далмации и Дубровнике с XV в. по XVIII в.» (1899), «Чтение и разбор Adami Бременского “Gesta Hammaburgensis Ecclesiae pontificum ex recens. Sappenbergi in usum scholarum ex Monum. Germ. Hist. Recens. (I часть)”» (1899), «Славянские наречия (сербохорватское, словенское и чешское)» (1899).

Подготовка к занятиям отнимала много времени. Большая часть опубликованных Ламанским работ была так или иначе связана с его преподавательской деятельностью, а славистические исследования находили отражение в лекционных курсах. Он постоянно обновлял содержание своих лекций, вводил в научный оборот новые материалы, знакомил студентов с последними достижениями славяноведения. В письме И.С. Аксакову 2 декабря 1881 г. Ламанский признавался: «Обо мне, говорите, ни слуху, ни духу. Дело в том, что лекции и приготовления к ним занимают много времени. Читаю Чехию и Польшу в XV—XVI в. Приходится много читать всякого рода старья. Кроме того занят еще нашим Истор[ико-]филол[огическим] общ[еством] при унив[ерситете], где я председателем и затеваю маленький пока периодический его орган. Стараюсь побольше привлечь сил, молодых особенно. Может, если наладится и будет польза не только учено-литературная, но и общественная» [2. Ед.хр. I. Л. 163об.]. В письме к Ламанскому по случаю его пятидесятилетнего юбилея К.Н. Бестужев-Рюмин

отмечал: «Ваши лекции постоянно были новостью, плодом Ваших собственных изысканий. Случай у нас, к сожалению, не частый» [2. Ед.хр. 215. Л. 3об.]. Преподавание (с 10 ноября 1872 г. в течение четверти века в Санкт-Петербургской духовной академии Ламанский также занимал кафедру русского и церковнославянского языка (с палеографией) и истории русской литературы) и литературный труд были единственными источниками его доходов. Переписка Ламанского позволяет восстановить и размер гонораров, которые он получал в разных изданиях. Так, «Журнал Министерства народного просвещения» платил по 50 рублей за печатный лист, «Русский вестник» М.Н. Каткова — 85 рублей, в изданиях А.С. Суворина — 100 рублей, «Христианское чтение» выплачивало Ламанскому от 90 до 100 рублей. К И.С. Аксакову Ламанский обращался с просьбой поднять гонорар за публикации в газете «Русь» с 50 до 75 рублей. Разраставшаяся семья требовала и новых расходов. Ламанский нередко обращался к своим издателям с просьбой выслать деньги вперед под будущую статью. Порой накануне зарплаты (20 числа) ордена и часы были заложены в ломбарде.

Трудолюбие было не только чертой характера Ламанского, но и условием его выживания. Затруднительное материальное положение, в котором он часто оказывался, отзывалось пессимистическими нотками в его переписке. При этом собственно научные работы редко приносили литературный доход, а оплачиваемая публицистика требовала отвлекаться на вызовы современной жизни и политики. Сознывая противоречие между исследовательской работой и актуальной журналистикой, он, не сомневаясь, выбирал науку. «Я никуда и нечего не пишу, — признавался он в письме И.С. Аксакову 25 сентября 1867 г., — и дал себе слово несколько времени не заниматься вовсе современными вопросами. Современность и то слишком много поглотила у меня времени в эти два года. Я теперь засел за свой рабочий стол, никуда почти не выезжаю, и занимаюсь наукой, как только силы позволяют. Ужас ведь берет, что вот уже 34 года и ничего для науки не сделал. Если мы, профессора, не будем серьезно трудиться, то кому же делать?» [2. Ед.хр. 1. Л. 80]. Рассказывая тому же корреспонденту о смерти А.Ф. Гильфердинга, он писал: «Число хороших людей, наших в тех сферах все уменьшается. Являются новые, гадкие, паршивые. Глядя на окружающее и достаточно его узнавши, я все больше и больше удаляюсь в мою келью рабочую да к тем радостям личного счастья, которые нахожу с любимой женщиною. Людям богатым, независимым, конечно, можно практически трудиться внутри России, подальше от Петербурга. Но нашему брату все пути заказаны. Для меня теперь нет другого идеала, как приготовить несколько молодых людей в хороших писателей и ученых, да написать несколько исследований, которых обругают при первом появлении и которых забудут читавшие через год. Сделаешь ли и это? Может злая, безжалостная смерть наметила меня, как одну из ближайших своих жертв? Где прежняя безумная отвага юности? Знаешь теперь одно, что не все то хуже, что глупее» [2. Ед.хр. 1. Л. 86]. В недатированном письме своему ученику А.С. Будиловичу Ламанский давал довольно резкие характеристики как своим коллегам, так и состоянию университетской науки. «Между тем, — замечал он, — дела наши пока обстоят очень плохо. У Аксакова и Каткова талантливых сотрудников и преемников нет, они оба уже не молодые люди. [“]Новое время[”] вообще пусто и пошло. Все же прочее в Москве и Петербурге дрянно, гадко и

гнило. И наш, и Моск[овский] унив[ерситет], конечно, не худшие в России, скорее даже лучшие. А что в них? На несколько умных и заслуженных действительно людей великое число тупиц самодовольных и что еще хуже пошлых, безмозглых болтунов-либералов. Вы посмотрите, что теперь в России русская история. У Вас Никитский, по-моему, самый дельный и серьезный человек по этой части. Иловайский срамится, не чувствуя этого, своими глупыми и невежественными [работами] о варягах, болгар[ах], наконец, гуннах. Бестужев давно уже решительно ничего не делает и делать не способен. Замысловский хороший человек, основательный, но слишком, по-моему, узкий и ограниченный. Ключевский же в делах. Теперь в м[есто?] Буслаева Москва обращалась уже к Пыпину, когда тот отказался, прибила к Веселовскому Алексею. Ведь это все страшный упадок. Нил же Попов глупый и ограниченный человек и уже совсем не ученый. У нас молодых дельных людей совсем нет ни по русской истории, ни по русск[ой] словесности» [2. Ед.хр. 14. Л. 4об.—5]. Современный исследователь вполне справедливо может усомниться в объективности отзывов Ламанского [13]. В письме он выражал свое внутреннее ощущение от происходящих в русской науке процессов.

Выходом из того пессимистического состояния, в котором оказался Ламанский, ближе познакомившись с академической средой и университетской наукой, и способом экзистенциального оправдания своего существования или даже выживания для него стала сама наука. Вернувшись в университет, он начал обдумывать докторскую диссертацию. В начале Ламанский предполагал подготовить исследование по истории обычного права у славян, в частности, завершить работу о «Законнике» Стефана Душана. Однако в скором времени отказался от этого плана. Его докторская диссертация стала продолжением диссертации магистерской, но продолжением не фактологическим, а смысловым, историографическим и философским. Учение, развитое Ламанским в докторской диссертации, стало зерном развернутой историософской концепции, представленной в трактате «Три мира Азийско-европейского материка» (1892), который вслед за М.А. Робинсоном «можно назвать последним историософским сочинением славянофильского направления в русском славяноведении» [14. С. 97]. В докторской диссертации он решил дать политическую и историософскую интерпретацию историографическим фактам, а именно проследить мнения европейцев о славянах, отраженные в исследовательской литературе. Ламанский намеревался вскрыть содержание европейского сознания и показать, как ментальные факты (мнения о славянах) отражаются в фактах реальных (истории и политике). Прежде всего он сосредоточился на взглядах немецких ученых, поскольку немцы теснее всего контактировали со славянами на протяжении целого тысячелетия, а немецкая наука во многом определяла представления других европейских народов о населении Восточной Европы. Еще в магистерской диссертации он исходил из той предпосылки, что европейская наука не отделима от насущных задач европейской политики, а интерес немецких ученых к славянству вызван германским экспансионизмом. «Ясно, кажется, что самые жизненные интересы влекут Германию к поглощению славянских народностей, к онемечению славян западных и южных», — отмечал он на магистерском диспуте [3. С. 143]. Немецкая наука призвана оправдать этот экс-

пансионизм и помочь политикам найти слабые места в славянстве, разобщать славянские народы, чтобы успешнее их поработать и ассимилировать. Уяснение идеологической основы европейской науки необходимо, прежде всего, самим славянам. В отличие от военной силы, европейская наука пытается представить процесс поглощения славян романо-германцами как неизбежный и благоприятный для самих славян. Убежденные в превосходстве западноевропейских народов и их культуры, славяне начинают добровольно стремиться к ассимиляции, желая стать «европейцами». Ламанский же собирался показать, что на самом деле думают европейцы о славянах. Менее чем через два года после защиты магистерской диссертации он писал И.С. Аксакову 9 октября 1861 г. о своих планах: «Надо ознакомить со взглядами Германии на нас не только наших дураков, но и других славян. Пусть они видят, что если их ценит Германия и боится, то только из-за русских. Надо сбить спеси с чехов, открыть глаза полякам» [15. С. 93]. В докторской диссертации эта задача сформулирована менее резко. Ламанский называет свою работу исследованием «о некоторых мало разработанных или неправильно понимаемых вопросах и частях политической и культурной истории Восточной Европы или Греко-славянского мира, как Средних, так и Новых веков» [16. С. I].

Для сбора необходимых материалов и завершения докторской диссертации Ламанский отправился в заграничную командировку. Большую часть времени он проработал в Венецианских архивах и библиотеках. Это была, пожалуй, самая плодотворная командировка ученого. Он не только фактически завершил работу над диссертацией, но и собрал богатый архивный материал, частично опубликованный отдельным томом «*Secrets d'Etat de Venise servant à éclaircir les rapports de la Seigneurie avec les grecs, les slaves et la Porte Ottomane a la fin du XV-e et au XVI-e siècle*». Documents, extraits, notices et études» («Государственные секреты Венеции и отношения Республики с греками, славянами и турками в XVI веке. Документы, отрывки, заметки и этюды». СПб., 1884). В письмах Ламанский неоднократно признавался, что считает это издание своим главным научным достижением. В письме матери из Венеции 3/15 декабря 1868 г. он делился своими планами: «Надо Вам сказать, что при той тишине и великом спокойствии, которыми я здесь пользуюсь, и при которых так хорошо работать, здесь есть и большие неудобства для нашего брата. Это именно недостаток самых необходимых подручных, справочных книг. Если что и есть, то трудно достать. Из Публ[ичной] б[иблиоте]ки можно брать на дом не все книги, и то не всегда. Заниматься же в библиотеке печатными вещами грешно, когда у меня есть столько рукописей, которые надо пробежать, прочитать, извлечь.

Не думайте также, чтобы все, над чем здесь работаю, войдет в диссертацию. У меня собирается материал на весьма большой труд, маленькую часть я пушу на доктора. Этот же труд составит большое сочинение в две, три части. Не бойтесь, чтобы теперь меня что-нибудь отвлекло от него. Хлопоты о славянах я прекращаю. Теперь есть много желающих и более моего молодых и на это способных. Я хочу, я решился посвятить следующие годы моей жизни написанию такого исторического сочинения, которое было бы столько же ученым, сколько и литературным произведением. Плохой казак,

который не желает быть атаманом. Я хотел бы оставить по себе памятник, труд, который бы мог иметь влияние и доставить мне имя в литературе. Очень может быть и даже вероятно, что все это фантазия, но у меня засела в голове такая мысль, и я употребляю все от меня зависящее для ее осуществления» [2. Ед.хр. 44. Л. 78об.]. Месяцем ранее (1/13 ноября 1868 г.) он также писал родителям: «Некоторые главы, по крайности две главы, надеюсь написать еще за границу. Дай только Бог уменья и таланта получше отделать эту работу. Любопытного бездна» [2. Ед.хр. 44. Л. 76об.]. Предисловие к «*Secrets d'Etat de Venise*» было в сокращенном варианте опубликовано в аксаковской газете «День» [17]. Вторая часть предисловия к «*Secrets d'Etat de Venise*» была издана на французском языке во Флоренции в «*Revue Internationale*» (1884. Mars. Т. I. Р. 851–866.) под заглавием «*Le Panslavisme par Vladimir Lamansky*» («Панславизм Ламанского»). Заглавие было дано редактором А. де Губернатисом, известным итальянским славистом. Это предисловие можно считать одним из главных идейных текстов Ламанского, в нем в наиболее полном виде высказаны его славянофильские взгляды. Следует отметить, что во время пребывания в командировке Ламанский тесно сотрудничал с западноевропейскими учеными. В частности, незадолго до выхода в свет своего труда Ламанский опубликовал статью под заглавием «*L'assassinat politique à Venise du XV au XVI siècle*» («Политическое убийство в Венеции») во французском издании «*Revue historique*» («Исторический журнал». 1882. Septembre-December. Т. 8. Р. 105–120), содержащую обзор текстов, из которых состояла первая часть будущей книги. Затем публикация «Государственные секреты Венеции» была отмечена во французских библиографических изданиях, что говорит о признании европейскими учеными научной ценности труда Ламанского.

За границей Ламанский пробыл более года: покинув Петербург весной 1868 г., он вернулся в Россию в июле 1869 г., посетив Прагу, Загреб, Люблян, Удину, Милан и около года прожив в Венеции. В это же время в «Журнале Министерства народного просвещения» был опубликован небольшой цикл его статей «Непорешенный вопрос» [18], получивших высокую оценку среди славистов. В них Ламанский сформулировал свой взгляд на происхождение древнеславянского и русского языков, обосновывая возможность русского языка стать общеславянским литературным, научным и дипломатическим языком; касался болгарского языка и письменности XVI–XVIII вв. И.И. Срезневский предлагал представить эти статьи в Совет историко-филологического факультета в качестве диссертации. По возвращении из Венеции докторская диссертация Ламанского, получившая заглавие «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» (в «Протоколах Совета императорского Санкт-Петербургского университета» она значится как «Исследование об изучении греко-славянского мира в Европе»), была в большинстве своих частей завершена. В 1870 г. он предпринял ее издание в журнале «Заря» [19], а в 1871 г. она вышла отдельной книгой [16]. 21 февраля 1871 г. диссертация была успешно защищена, а 1 марта 1871 г. Совет Санкт-Петербургского университета утвердил «Ламанского в степени доктора славянской филологии» [20. С. 35].

Близкая по идеям и взглядам к вышедшей в то же время книге Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» (отдельное издание 1871 г.), диссертация Ламанского не встретила откликов в русском обществе и печати. На

нее не было опубликовано рецензий, а со временем она и вовсе оказалась в тени известного труда Н.И. Данилевского. Из ближайших отзывов на нее можно указать на обзор истории славяноведения в России (до 1872 г.), опубликованный в киевском «Славянском ежегоднике». В нем книге Ламанского был посвящен один абзац, в котором отмечалось: «С достойным удивления усердием и остроумием автор изобразил немецкие взгляды на славян, на их историю, народный характер и проч. Картина начертана необыкновенно талантливо. Чтение этой книги производит такое впечатление, как будто вы находитесь в доме умалишенных, где не знаете, должны ли вы больше удивляться безумным воззрениям, или сожалеть о жалком ослеплении и душевной болезни этих пациентов. Для успеха исторической правды мы должны желать, чтобы проф. Ламанский с тем же усердием изложил мысли и взгляды тех немецких ученых, которые сумели возвыситься над инстинктом племени и воздать славянам принадлежащее им по праву. Славянская наука с уважением вспоминает имена Гердера, Якова Грима, Шмеллера и др. Их вниманием к славянству значительно вознаграждены патологические заблуждения их же земляков» [21. С. 46].

В качестве еще одного отклика на книгу Ламанского можно привести мнение известного слависта П.А. Лавровского, высказанное им в письме Ламанскому 23 февраля 1871 г. Десятилетием ранее Ламанский и Лавровский совместно полемизировали на страницах аксаковской газеты «День» с Н.Г. Чернышевским, одобряя намерение галицийских русинов, в частности редакцию газеты «Слово», перейти на русский литературный язык. Ламанский явно воспринимал П.А. Лавровского в качестве единомышленника, готового принять его историософские обобщения. «Не скрою впечатления, — писал П.А. Лавровский, выражая благодарность за присланный экземпляр, — какое произвела на меня Ваша книга. Оно похоже на то, как если бы долго заключенного в мрачной и смрадной темнице разом вывели на свет божий, при сильном солнечном освещении разнообразной и красивой местности с благоухающей растительностью.

Действительно, Ваша книга сильно поколебала мою хандру именно по поводу вопроса о современном и грядущем положении славянства. Я начал было уже свыкаться с его безотрадностью, в виду совершившегося у соседа и совершающегося, точнее — ничего несовершенного или очень, очень мало у самих славян. Розовый цвет, которым прикрыли Вы последующую судьбу славянства, уверенность Ваша в действительности такого, а не иначе поворота в этой судьбе, решительный и определительный тон Ваших заявлений освежили мои мысли и повернули было их в другую сторону.

К прискорбию, чем больше вникаю в сущность вопроса и постановку национальностей в начинающейся драме, тем принужденнее снова склоняюсь к прежним сомнениям. Мне даже представляется некоторый анахронизм в этой постановке, существовавшей скрытно и прежде, но теперь разоблачившейся явственнее и грознее. Анахронизм усматриваю я в очевидном несоответствии нравственных сил резче выступивших друг против друга борющихся сторон. На одной половине рисуется сосредоточенное единство, сплоченное живым сознанием и широким и глубоким образованием; другая половина все еще продолжает мелкие, тем не менее не редко ядовитые,

разъедающие счеты, при господствующей еще бессознательности общей задачи и цели, даже при детском неведении опасности; ясное понимание коснулось лишь крайних верхушек. Словом, думаю я, мы стоим в этом отношении на той ступени, которую занимал неприятель не меньше полувека назад. Готов согласиться, что славянство, с новыми средствами, с усиленной ревностью руководителей, пойдет сравнительно быстрее. Но разве будет в это время дремать изловчившийся и знакомый лучше нас с нашими слабостями сосед?» [2. Ед.хр. 818. Л. 8–9].

Формально диссертацию Ламанского следует считать историографической. Однако отбор высказываний европейских, прежде всего, немецких ученых и публицистов о славянах не оставлял сомнения как в предвзятости этих высказываний, так и тенденциозности самой подборки. С содержательной стороны работу Ламанского следует отнести скорее к философии истории, чем к историографии [22]. Критика немецких воззрений на славянство послужила для него поводом сформулировать историософскую концепцию. Проведенное Ламанским исследование явно дополняло книгу Н.Я. Данилевского. Если Н.Я. Данилевский наполнил свой труд большим количеством исторических и политических фактов для того, чтобы показать, что Европа относится к России враждебно и действует также враждебно, то Ламанский продемонстрировал недоброжелательность европейской науки и публицистики по отношению к славянам в целом. В немецкой науке он видел отражение вековой исторической и этнологической борьбы германизма со славянством. В то же время обзор немецкой науки служил Ламанскому дополнительным аргументом в критике Петербургской академии наук, в которой преобладали выходцы из Германии. Защита диссертации укрепила положение Ламанского на историко-филологическом факультете и открывала ему дорогу к профессорству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Малинов А.В. Студенческие годы В.И. Ламанского // Клио. 2017. № 10.
2. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 35. Оп. 1.
3. Ламанский В.И. Речь, произнесенная в С.-Петербургском университете 31 января 1860 г. при публичной защите диссертации на степень магистра: «О Славянах в Малой Азии, Африке и в Испании» // Русская беседа. 1860. Кн. 19. № 1.
4. Ястребцов Н.В. Памяти Владимира Ивановича Ламанского как друга книги // Библиологический сборник. Пг., 1916. Т. II. Вып. 1. Материалы по истории библиотекосведения в России.
5. Ламанский В.И. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПб., 1859.
6. Ламанский В.И. Исторические замечания к сочинению «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании». СПб., 1859.
7. Малинов А.В. Магистерская диссертация В.И. Ламанского // Научно-технические ведомости СПбГПУ. 2017. № 4. Гуманитарные и общественные науки.
8. Лаптева М.П. История славяноведения в России в XIX в. М., 2005.
9. Маркевич А.И. Двадцатипятилетие Императорского Новороссийского университета. Историческая записка и академические списки. Одесса, 1890.
10. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН. Ф. 166. Оп. 3. № 615.
11. Ламанский В.И. Вступительное чтение Доцента Петербургского университета В.И. Ламанского. М., 1865.
12. Письма И.В. Ягича к русским ученым. 1865–1886. М.; Л., 1963.
13. Лаптева Л.П. Университетское славяноведение в России за первое столетие его существования (1835–1935) // Славянский альманах. 2011.

14. Робинсон М.А. В.И. Ламанский и его историософский трактат «Три мира Азийско-европейского материка» // Славянский альманах. 1996.
15. Переписка двух славянофилов // Русская мысль. 1916. Кн. XII.
16. Ламанский В.И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. СПб., 1871.
17. Ламанский В.И. «Государственные тайны Венеции» (Secrets d'État de Venise et rapports de la République avec les Grecs, les Slaves et les Turcs au XVI siècle. Documents, extraits, notices et études. St.-Petersbourg. 1884. (том в 65 листов убоистой печати) 8) // Русь. 1883. 15 XI.
18. Журнал министерства народного просвещения. 1869. № 1, 6—7.
19. Заря. 1870. № 1—2, 5, 12.
20. Протоколы заседаний Совета С.-Петербургского университета за вторую половину 1870—1871 академического года с приложениями. № 4. СПб., 1871.
21. Успехи славяноведения в России до 1872 года. По А.А. Майкову, П.А. Лавровскому и А.А. Котляревскому // Славянский ежегодник. Календарь на 1876 год. Киев, 1876.
22. Саприкина О.В. Академик В.И. Ламанский (1833—1914): научное наследие и общественная деятельность. Автореф. дис. ... к. ист. н. М., 2004.